

риторическомъ значеніи христіанства. Вѣтхозавѣтная правда Толстого нужна была изолгавшемуся христіанскому міру. Знаемъ мы также, что безъ Л. Толстого Россія немислима и что Россія не можетъ отъ него отказаться. Мы любимъ Льва Толстого, какъ родину. Наши дѣды, наша земля въ „Войнѣ и мирѣ“. Онъ—наше богатство, наша роскошь, онъ нелюбившій богатства и роскоши. Жизнь Л. Толстого—геніальный фактъ въ жизни Россіи. А все геніальное—провиденціально. Еще недавній „уходъ“ Л. Толстого взволновалъ всю Россію и весь міръ. То былъ геніальный „уходъ“. То было завершеніе толстовскаго анархическаго бунта. Передъ смертью Л. Толстой сталъ странникомъ, оторвался отъ земли, къ которой былъ прикованъ всей тяжестью быта. Подъ конецъ жизни великій старикъ повернулъ къ мистикѣ, мистическія ноты звучать сильнѣе и заглушаютъ его раціонализмъ. Онъ готовился къ послѣднему перевороту.

Николай Бердяевъ.